

Михаил Бурляш

Примадонна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38979883

SelfPub; 2018

Аннотация

Звезда советской эстрады, почти безупречная, вечно юная, всенародно любимая. Какие страшные тайны хранит её прошлое? И что может случиться, если они неожиданно ворвутся в настоящее? Ответы – в этом романе.

Содержание

ПРИМАДОННА	4
Часть первая «Исчезновение»	5
1	5
2	7
3	8
4	11
5	15
6	18
7	20
8	24
9	27
Часть вторая «Пути неисповедимые»	29
1	29
2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

ПРИМАДОННА

У каждой Петрарки своя Лаура.

Современная шутка

Часть первая «Исчезновение»

1

Сказать, что Вадик был красив, значит не сказать ничего. Он был идеален. Казалось, что он сошёл с обложки модного журнала: в его глазах была синева июльского неба Италии, зубы сверкали белизной альпийских вершин, волосы слепили золотом зрелых пшеничных полей. Сказать, что девочки бегали за ним – опять-таки, не сказать ничего. Они на нём висли, они сходили от него с ума, они его клеили, провоцировали, атаковали, обожали и ненавидели.

Потому что Вадик никого не любил. Даже если он снисходил до очередной воздыхательницы, их роман никогда не длился больше недели. Что самое интересное, брошенные возлюбленные никогда не преследовали его, не осыпали упрёками и не обливались слезами несчастной любви. Они тихо и незаметно исчезали из водоворота его жизни, не изъявляя ни малейшего желания увидеться с ним вновь.

Вадик был известной личностью в городке. Ему было, как сам он говорил, чуть меньше тридцати, он был свободен, обеспечен и, самое главное, он был самым популярным ди-джеем местного отделения известнейшей радиостанции страны.

Помимо обычных «отработок» по графику и в программах-поздравлениях у него была своя передача, которая шла в эфир два раза в неделю с полуночи до пяти утра и носила романтически-ностальгическое название – «Полуночный экспресс».

В передаче он философствовал на вечные темы, ловко ставил записи давно ушедших в забвение певцов, современных шансонье и оперных див и между делом отвечал на звонки бодрствующих слушателей. В пять утра радиоволна разносила по приёмникам его хриловато-мужественное: «С добрым утром и до встречи в «Полуночном экспрессе», с вами был Вадим Даль», а его сменщик, чертыхаясь, собирал по студии оставшиеся от Вадика окурки.

В городке он был относительно недавно, что заставляло его карьеру казаться ещё более головокружительной. Он приехал откуда-то с Севера около года назад, снял квартирку и отправился обивать пороги местных радиостанций. Трудовой книжки у него не было, опыта работы тоже, единственным его козырем был диплом Иркутской консерватории, дававший Вадиму Далю гордое право называться режиссёром оперных постановок.

Впрочем, вру, был у него и ещё один козырь, о котором вы уже знаете – его красота и нечеловеческое обаяние. Ходили даже слухи, что ему предлагали сниматься в кино в роли прекрасного принца Дориана Грея по сюжету знаменитого Оскара Уайльда. Впрочем, те же слухи утверждали, что

он использовал особенности своей внешности для достижения более прагматичных целей, чем быстротечная киношная слава.

Как бы то ни было, но уже через неделю после появления в городке Вадим трудился ассистентом режиссёра на радио, а ещё через два месяца прорвался в эфирное пространство. Год спустя он был настолько популярным, что, как уже упоминалось, имел свой собственный «проект» на радио и многим горожанам был известен в лицо.

2

Вечер 21 декабря выдался на редкость морозным. Снег почти растаял, было темно и скользко. Вадик опаздывал на супер ответственный ночной эфир и нещадно гнал свой поношенный, но бойкий «Опель». Когда до студии оставалось два несчастных поворота, машину тормознул гаишник.

– Ваши документы, – браво отковырял страж порядка.

– А в чём, собственно, дело? – Вадик нацепил самую обязательную из своих улыбок. – Я, видите ли, на передачу опаздываю, слышали, наверное, у нас сегодня сама София Арсо в прямом эфире будет...

– Ну и что? Вы превысили скорость, а на дороге гололёд, – гаишник был как непробиваемая стена.

– Вы меня не узнали? Я буду сегодня вести программу..., – начал, было, Вадик, но тут же плюнул и остано-

вившись на полуслове, полез в карман за стольником. «Не хватало только опоздать из-за этого кретина, – думал он. – Восемнадцать лет страданий, восемнадцать нескончаемых ужасных лет одиночества, тоски и ожидания – и всё псу под хвост».

– Сколько с меня?

– Боюсь, что штрафом Вы не отделаетесь. Три дня назад на этом перекрёстке сбили девочку. Водитель скрылся. Свидетели видели, как с места происшествия на большой скорости отъехал тёмный «Опель». Предлагаю Вам проехать для выяснения, – гаишник, откозыряв, предложил Вадику перейти на сиденье пассажира. Вадик почувствовал, как у него пересохло в горле. Он глянул на часы – до эфира оставалось двадцать минут. Он не мог так легко отказаться от цели, за которой шёл почти двадцать лет из-за нелепого стечения обстоятельств.

– Конечно, я понимаю. Надо, так надо, – он медленно вышел из машины и, прежде чем отдать гаишнику ключи от машины, внимательно посмотрел по сторонам.

3

В офисе радиостанции было полно народа. До эфира оставалось полторы минуты. Когда Вадик протолкнулся сквозь ряды коллег, их подружек и друзей и окутывающий их табачный дым, в студии уже сидели суперзвезда Софи, её продю-

сер Олег Магнатов и директор местной станции Юрий Томилин. Последний заметно нервничал. Сделав Вадику страшное лицо, он быстренько представил его присутствующим, заказал ассистентке Оленьке кофе для всех и отправился разгонять толпу любопытствующих и поклонников.

Вадик элегантно приложился к руке звезды и, сев к микрофону, сказал: «Добрый вечер, друзья! С вами Вадим Даль. Я счастлив сообщить, что наконец-то сбылась мечта многих из вас: с нами сегодня София Арсо, живая легенда нашего времени, золотой голос России, певица и композитор, наконец-то снизошедшая до нашего городка. Завтра в 18:00 добро пожаловать в городской дворец культуры на концерт нашей обожаемой звезды, а сегодня она здесь, чтобы ответить на ваши вопросы. Звоните нам по телефонам...»

Эфир длился сорок минут, ненадолго прерываясь на песни Софи. Она была обворожительна.

В свои 49 она выглядела от силы на тридцать. Казалось, что её ангельское личико совсем не тронуло время. Её низкий грудной голос был волнующе чувственным, а ответы искренними и непринуждёнными. В городке она была впервые, ей здесь нравилось, хотя она пока мало что видела. Её приезд стал возможным благодаря мэру города господину Татьянину и местной филармонии, которые любезно взяли на себя организацию гастролей. Завтра она выйдет на сцену с программой, которую назвала «Крещенский вечерок», и слушатели будут приятно поражены её новыми хитами. В общем,

было сказано всё то, что обычно говорят крутые мега звезды в захолустье.

Когда в эфире звучала её последняя песня и продюсер Олег, усталый мужчина с бегающими глазками, отлучился куда-то с Юрием, Вадик и Софи остались в студии одни.

– Хотите, я покажу Вам завтра город и окрестности? – Вадик был сама любезность и галантность.

– Ну, что ты, Вадим, мне надо посмотреть сцену, порепетировать, – звезда явно не горела желанием осматривать красоты провинциального городка. – К тому же таскать за собой всю эту свиту слишком утомительно...

– Вообще-то я приглашаю Вас, а не свиту, – Вадик почувствовал, как кровь приливает к лицу и становится трудно дышать.

– А ты смелый мальчик, – Софи взглянула на него с интересом. – Позвони мне в гостиницу.

После эфира началось повальное пожатие рук и дружеские объятия, были распиты две бутылки шампанского, припасенного предусмотрительным Юрием, Софи раздала всем желающим автографы и, как пишут в романах, растворилась в ночи. Было около одиннадцати вечера.

– Юр, мне бы недельку отпуска, – Вадик приобнял своего взмыленного босса.

– Какой ещё отпуск? Да тебя убить мало за такие фортели! Чуть эфир не сорвал! Да ты тут за два часа должен был находиться! – директор всё никак не мог успокоиться.

– Юр, машина долго не заводилась. Потом заглохла ещё. Да успокойся ты, всё ведь замечательно прошло.

– Нет, я не понимаю, ты столько сил вложил в эту гастроль. Ведь это ты замучил звонками всех её московских продюсеров, ты подкупил полфилармонии и отдел культуры в администрации ради официального приглашения, ты на коленях передо мной ползал, чтобы я тебе этот эфир отдал, и сам же чуть всё не испортил!

– Юр, давай не будем, а? Всё прошло отлично. Мне нужно отдохнуть с недельку. Я ведь целый год как белка в колесе, без выходных и проходных.

– Ладно, катись! И нечего лыбиться, разговор не окончен!

4

Ещё совсем недавно Игорь и Лариса были молодоженами. Однако назвать их «счастливой парой» вряд ли у кого-то повернулся бы язык. Они были настолько разные, что друзья до самого дня регистрации не могли поверить, что их желание пожениться – не шутка.

Игорь был серьёзным и молчаливым, никогда попусту ничего не говорил, шумных компаний избегал, предпочитая уединение с книгами или прогулки по парку.

Лариса считалась первой красавицей курса, яркой, эффектной, обожающей тусовки, компании, застолья и прочие массовые мероприятия. Поклонников у неё было просто за-

вались, но запала она почему-то на тихоню Игоря.

У Игоря было прозвище «богослов», вероятно потому, что он был искренне и горячо верующим. Верил в Бога по-настоящему, а не из-за веяний моды, в храм ходил не для показухи. Было немного странно видеть человека его склада на факультете журналистики престижного университета, куда, по расхожему мнению, стекались самые циничные, безбашенные и беспринципные. Впрочем, парень он был, бесспорно, талантливый и наделенный даром слова. Если его удавалось разговорить на интересную ему тему, он поражал своим красноречием и умением убеждать.

Но такое случалось не часто. В большинстве случаев Игорь предпочитал отмалчиваться, отвечая надоедливym собеседникам, что «Бог потом за каждое напрасное слово спросит».

Тем более странным казался выбор красавицы Ларисы, которую трудно было представить женой затворника, скорбящего о судьбах неверующего мира.

Наверное, если бы её спросили, она и сама не смогла бы объяснить, чем зацепил её этот парень с мягкими, отрешенными от мира глазами. Игорь не пил, не курил, не балагурил, не ухаживал за девушками, не ел мяса. Проще было перечислить то, что он делал, чем то, чего избегал.

Возможно, этим он её и привлёк – своей непохожестью на других. Как-то в разговоре с подругой, Лариса заметила, что Игорь – самый интересный парень на всем курсе и что если

из кого и выйдет толк, то именно из него.

Подруга засмеялась и сказала, что Игорь Ларисе не по зубам, поскольку он совершенно равнодушен к её чарам. Привыкшую блистать Ларису это настолько задело, что она решила неминуемо пойти в наступление, поставив перед собой задачу: покорить загадочную крепость по имени Игорь Волков.

Первая атака произошла на студенческой вечеринке, последовавшей за открытым семинаром по проведению пресс-конференций.

Лариса, выпив для храбрости бокал шампанского, подошла к Игорю и села с ним рядом.

– Потанцуем? – спросила она, прижавшись к нему тёплым бедром.

– Да я не очень умею танцевать, Ларис, – обезоруживающе и мило попытался отказаться он.

– Я тебя научу. Нельзя же, правда, всё время прятаться от жизни, Игоряш.

И они пошли танцевать.

Это был красивый танец и красивая пара. Игорь был очень спортивен, он играл за сборную университета по баскетболу, и считался одним из лучших игроков. Дома в его комнате всё было заставлено спортивными кубками и завешано грамотами, дипломами и фотографиями с соревнований. Впрочем, в последнее время спортивных картинок становилось на стенах всё меньше, потому что их медленно, но верно вытесня-

ли иконы.

Однако на тот момент Игорь ещё не отрешился окончательно от мирской суеты, и внимание первой университетской красавицы ему льстило.

Они танцевали, и ими любовались почти все присутствующие. Яркая смеющаяся красотка Лариса и статный гибкий Игорь с непроницаемым и смиренным лицом ангела. Это было похоже на иллюстрацию к известному стихотворению: «Они сошлись... земля и камень, огонь и лед, вода и пламень не так различны меж собой...»

– Игорь, ты знаешь, что ты давно уже мне нравишься? – смеясь, спрашивала Лариса кружившего её в танце юношу.

– Я не подходящая для тебя пара, Лариса. Ты бриллиант, которому нужна дорогая оправка, а я простой скромный парень, – парировал Игорь.

– Ты просто не знаешь себе цену. Ты надёжный и серьёзный, с тобой есть о чем поговорить и есть о чём помолчать, – танец закончился, и Лариса поцеловала Игоря прямо в губы.

В тот вечер он пошёл провожать её домой. А всего через месяц они расписались. Всё произошло настолько стремительно, что ни Игорь, ни Лариса толком не поняли, что же такое они натворили. То, что начиналось как забавная игра, вызванная капризом красавицы, вылилось для обоих в серьёзную жизненную драму.

Соня с детства была оторвой. Папа был профессором университета, мать не работала и тратила всю свою неисчерпаемую энергию на то, что таскала дочь по музыкальным школам и хореографическим классам. Соня была девочкой с характером и любила делать всё наперекор матери. В третьем классе, закрывшись в туалете, она жирно накрасила губы украденной у матери помадой и разгуливала в таком виде по школе, пока её за ухо не отвели к директору. В седьмом она начала тайком курить и бегала с мальчишками подглядывать в окна больничного морга.

В десятом она сбежала из дома с подающим надежды молодым бардом и провела с ним целый месяц в Карелии, в палаточном городке. Именно там она познакомилась с Митричем – известным в узких кругах тусовщиком, который и помог ей начать музыкальную карьеру. Это стоило ей огромного скандала с матерью, двух аборт и папиного инсульта.

Впрочем, с тех пор прошло много лет, она давно была выше житейской суеты, и ей практически ни за что не приходилось платить. Платили ей, и платили немало. Она выбирала любовников по глазам – под цвет своих платьев, сын от единственного официального брака учился в Англии, на Майорке у неё была вилла у моря, а в Майами подходило к концу строительство нового шикарного особняка.

У неё был сильный, красивый голос, стильные песни, которые шли «на ура» среди поклонников всех возрастов. Её ангельское личико выразительно смотрело с плакатов и баннеров всех крупных городов, притягивая взгляды даже равнодушных к её творчеству.

У неё была слава, всенародная любовь, эфиры в прайм-тайм, обеспеченная и комфортная жизнь, покровители и поклонники из высших кругов власти. У неё было всё, хотя время от времени её посещало странное чувство, что в жизни не хватает чего-то главного. То ли большой любви, то ли новой большой цели, к которой можно стремиться, то ли спокойствия в душе, о которой совсем некогда было думать.

Вадик понравился ей сразу. Она увидела в нём очередного сладкого мальчика на одну ночь, судя по волнению и дрожи в голосе, давно и безнадежно в неё влюбленного. Как шутила она сама в узком кругу приятелей, «мальчики-одноразовки» оказывали на неё омолаживающий эффект. «Это моя сыворотка молодости», – смеясь, говорила Софи. «Впрочем, – думалось ей, – если он проявит себя с лучшей стороны, возможно, я сниму его в своём новом клипе, внешностью парень не обижен».

Соня вышла из душа и встала перед большим зеркалом. Её фигура и кожа были почти идеальными, как у двадцатилетней девушки. Фитнес, диеты, пластическая хирургия и дорогостоящие косметические процедуры давали эффект. К

тому же Соне повезло с генетикой. Она была не склонна к полноте, и даже когда позволяла себе лишнее на очередном фуршете или в каком-нибудь экзотическом заморском ресторанчике, куда она часто попадала в часы, когда диетологи рекомендуют только воду или чай, на роскошных изгибах её тела это никак не отражалось.

– Да, я ещё очень даже ничего, – промурлыкала она удовлетворенно, поворачиваясь к зеркалу то одним боком, то другим. Однако сеанс самолюбования продлить не удалось – в дверь постучали.

Соня накинула на плечи пушистый махровый халатик ярко-изумрудного цвета и подошла к двери. За дверью стоял Вадим с розовой лилией в руке.

– Входи, – Соня, казалось, нисколько не удивилась, – вообще-то я просила тебя позвонить или...?

– Я забыл Ваш номер телефона, – улыбнулся Вадим, скопировав фирменную улыбку Бельмондо.

«Ослепительные зубы, голубые глаза, золотые кудри. Что ж, если он меня сегодня не разочарует, позвоню завтра Гарику, снимем его в клипе на песню «Облака и крылья», он просто вылитый ангел», – мысли Сони никогда не отходили далеко от работы, но вслух она ничего не сказала, только улыбнулась и захлопнула за Вадиком дверь.

В тот майский вечер Лариса никак не могла уснуть. Ходила на кухню курить, смотрела в окно, звонила каким-то подружкам и слушала их рассказы ни о чём, включала и выключала телевизор. Игорь ушел на службу, она осталась дома одна и вдруг, как никогда остро, почувствовала своё одиночество.

Муж всё больше и больше отдалялся. Уходил в веру, которая прямо на глазах неудержимо захватывала его душу, его мечты и мысли... Уходил не к другой, но от этого боль в её душе не становилась слабее.

Почти месяц он не прикасался к ней, ссылаясь то на пост, то на усталость, и в ней крепла уверенность, что это были не главные причины. Он просто не хочет больше быть её мужем.

Лариса металась по квартире как раненая тигрица. Что-то сегодня сложилось не так, может, звёзды не так встали? Лариса знала, что Игорь ведёт дневник. Он прятал его в ящик письменного стола, а ключ всегда носил с собой. Она вдруг подошла к письменному столу и попыталась открыть верхний ящик. Бесполезно.

И тут её осенило. Когда они купили этот письменный стол, к каждому ящику шёл комплект ключей. По три маленьких блестящих ключика к каждому ящику! По три! Где-то долж-

ны быть ещё два запасных! Лариса остановилась и попыталась сосредоточиться.

Через сорок минут ответ был найден, и Лариса открыла верхний ящик стола. Там лежал тонкий ежедневник в кожаном переплёте, и ещё не открывая его, Лариса поняла, что именно найдет под этой тонкой коричневой кожей. На какую-то секунду ей захотелось оставить всё как есть, но она отбросила эту мысль как малодушную и открыла ежедневник. И ей страница за страницей стала открываться душа незнакомого ей человека. Её мужа.

«Душа неподвластна смерти, – писал Игорь, – никто из отошедших от земной жизни людей не умер, они все живы, ибо душа человека бессмертна...»

«С чем приду к Тебе, Господи? Что я сделал на земле достойного оправдания и милости?»

«Аз есмь дверь, говорил Господь... Готов ли я войти в эту Дверь? Готов ли оставить этот мир?»

«От грехопадений моих бегу не в затвор, и не в пустыню, а в самоукорение и исповедание грехов моих...»

Лариса читала и не могла оторваться. Не всё было ей понятно в этой летописи душевного смятения и стремления к Богу. Но с каждой новой прочитанной строчкой ей становилось всё тяжелее на сердце. Как будто приближалось что-то неминуемое, что-то такое, после чего не будет обратной дороги к ещё теплящимся надеждам на счастливую семейную жизнь, на простое житейское счастье «как у всех».

Она перевернула последнюю страницу, испещрённую тонким летящим почерком мужа, и прочла: *«Сегодня я решил уйти в монастырь. Мучает осознание вины перед Ларисой. Но и для неё это будет освобождение. Потому что пути наши расходятся. Милосердный Господи! Прошу у тебя милости! Приведи меня к покаянию и помоги сделать этот последний решающий шаг. Человек всю свою жизнь тем только и занимается, что наводит порядок. То в собственном доме, то на работе, то в огороде, а о душе своей небрежет. А душа ведь дороже всего мира. Надо навести сначала порядок внутренний, и полюбить Бога. Я немогущ, но сердце моё жаждет монашеских подвигов. И я не могу больше быть одновременно и в миру, и с Тобой, Господи...»*

Эти строки Игорь написал перед уходом на службу. За этим текстом шли только пустые ничем не заполненные строки. Лариса сидела за столом и не могла удержать слез. Солёные капли всё падали и падали на раскрытую тетрадку, и казалось, что никогда не иссякнет их источник.

Когда Игорь вернулся домой, до краёв полный благодатью и звоном церковных колоколов, его встретила пустая квартира и коротенькая записка на столе: *"Ты свободен. Я подаю на развод"*.

7

В шикарном двухкомнатном номере лучшей провинци-

альной гостиницы «Люкс» раздался громкий хлопок. Вадик намеренно шумно открывал прихваченное с собой шампанское.

– Знаешь, я бы лучше виски выпила, – сказала, томно потягиваясь, Софи.

– От шампанского голова болит, а у меня завтра концерт. Вообще надо дать втык своему директору, чтобы лучше гастроли планировал. Приезжать в такую глушь почти на два дня ради одного концерта – непозволительная роскошь. Тем более, зимой, когда даже живописными окрестностями не полюбишься.

– Ну, хотя бы один глоток выпейте со мной, – Вадик подошел к креслу, в которое с ногами забралась Софи, встал перед ней на колени и поцеловал её голую коленку, торчащую из-под халатика.

– Хорошо, – засмеялась София, – но только один. И говори мне ты. За что пьем?

– За тебя! За твою красоту. За твою юность! За блеск твоих глаз! За твою улыбку как у мадонны! За твои тонкие нежные пальцы! – Вадим всё ещё стоял перед ней на коленях и целовал то её голую коленку, то её руку.

– Слушай, мальчик, одного глотка за всё это явно будет мало! – продолжая смеяться,

София сделала несколько глубоких глотков.

Он нравился ей всё больше и больше, она просто физически ощущала, как в лучах его восторга как старую кожу ски-

дывает с себя лишние годы.

– Расскажи мне о себе. Кто ты, откуда, чем занимаешься на своей радиостанции, есть ли у тебя девушка?

Вадим едва успел открыть рот, чтобы ответить на её вопросы, как в дверь постучали.

– Ну, кто там ещё? – недовольно выкрикнула Софи, не поднимаясь с места.

– Это я, Софочка, – раздался из-за двери низкий женский голос. – Олег спрашивает, ты пойдёшь с нами в ресторан? Местный мэр приглашает.

– Это моя костюмерша, сиди тихо, – прошептала София Вадиму. Она подошла к двери, приоткрыла её, о чём-то тихо переговорила с костюмершей и захлопнула дверь.

Вадим, всё ещё сидевший на полу, с тревогой в голосе спросил:

– Надеюсь, Вы не оставите меня?

– Я же сказала, говори мне ты, – слегка раздраженно ответила Софи и, подойдя к зеркалу, стала накручивать на пальцы свои длинные белые локоны. – Конечно, я никуда с ними не пойду, надоели они мне все. А уж как надоели все эти ваши губернаторы, мэры, депутаты и «предводители дворянства»! Я сказала, что устала и ложусь спать, чтобы больше не приходили и не стучали. Иди сюда.

Вадим встал с колен, подошел к Софии сзади, положил дрожащие от волнения руки на её соблазнительно полуоткрытую грудь и в долгом поцелуе прижался к её шее.

София снова засмеялась.

– Эй, Вадик, у меня кружится голова! Со мной давно такого не случилось. Это от шампанского или от твоих поцелуев?

– Ни от того, ни от другого, – прошептал Вадик, нехотя отрываясь от её шеи. – Ты поедешь со мной?

– Куда? – удивилась Софи, резко повернувшись к нему всем телом. – Я же сказала всем, что ложусь спать. Разве ты не хочешь ко мне присоединиться?

– Хочу, но чуть-чуть позже. Я думал, ты захочешь начать вечер с небольшого приключения.

– С приключения? – Софии казалось, что гостиничный номер качается, как кают-компания в плывущем лайнере, что у неё растут крылья и она вот-вот взлетит. Странное полубезытое ощущение. Нечто подобное с ней пару раз происходило. Пару раз вместе с приятелями они курили знаменитую голландскую травку в кофе-шопе в Амстердаме – и сердечко её немножко попрыгало. И ещё как то раз её любовник-испанец предложил ей «воспарить» при помощи какой-то сложной курительной смеси, на что она легкомысленно согласилась и потом два дня не могла придти в себя.

В голове всё затуманилось, она снова засмеялась, обхватила Вадика рукой за шею и весело зашептала прямо в его напряженное лицо:

– Да, я хочу приключение! У меня давно не было настоящего приключения! Помоги мне одеться, мой верный ры-

Лариса ехала в монастырь со смятением в душе. Был теплый июль; почти два месяца с того дня, как она ушла от Игоря, оставив ему короткую записку. За эти месяцы многое изменилось, и Лариса прогнала через свою голову миллионы мыслей. В итоге она приняла единственно верное на её взгляд решение, однако ей хотелось, чтобы ответственность за него лежала не только на ней. Ей хотелось, чтобы именно Игорь поставил окончательную точку во всей этой истории.

Поставив машину у входа в монастырь, Лариса накинула на голову предусмотрительно захваченный с собой платок и подошла к дежурившему на воротах служке.

– Здравствуйте, мне бы Игоря Волкова увидеть.

– Он на послушании, в столярном цеху. Подождите здесь, я сейчас позову, – вежливо ответил худощавый парнишка в очках и куда-то ушел.

Лариса окинула взглядом территорию монастыря. В самом центре ухоженного клочка земли стоял красивый храм в строительных лесах, в который входили и из которого выходили паломники. За храмом белела небольшая часовенка, все вокруг было обсажено цветами и кустарниками. Слева от храма располагалось одноэтажное здание трапезной, а за трапезной – трёхэтажная монастырская гостиница. Вдали

виднелось ещё несколько простых деревянных домов, очевидно, там жили монахи.

Рядом с будкой на воротах висела табличка «курение на территории монастыря запрещено». Здесь же стояла самодельная металлическая банка с прорезью, на которую был наклеен кусок бумаги: «Ваша жертва угодна Богу». Лариса, уже было потянувшаяся за сигаретой, передумала, достала из сумочки смятую сотенную купюру и положила в банку.

Через несколько минут она увидела идущего в сторону ворот Игоря. Вместо крепкого упитанного парня перед ней предстал худой и изможденный постом и трудами послушник в потрепанной рабочей одежке.

– Здравствуй, Лариса, – сказал он приветливо.

– Здравствуй, Игорь, – она было потянулась с поцелуем к его щеке, но он уклонился и лишь слегка приобнял её.

– Хочешь поесть с дороги? Я могу проводить тебя в трапезную.

– Нет, спасибо. Я хотела с тобой поговорить. Отойдём в сторонку?

Игорь провел её в монастырский скверик, где они расположились на деревянной лавочке с облупившейся краской.

– Ну, как ты тут? Как жизнь? Не скучаешь по мне? Может, вернёшься, пока ещё не поздно? – нарочито жизнерадостно спросила Лариса, хотя у неё бешено колотилось сердце, пересохло во рту и вспотели ладони.

– Поздно, Лариса. Никто, возложивший руку свою на плуг

и озирающийся назад, не благонадёжен для Царствия Божия. Я твёрдо решил стать монахом, через несколько недель постриг. Мне некуда возвращаться, здесь мой дом.

– Мне трудно без тебя, Игорь... – Лариса старалась подобрать нужные слова, но не находила их. Махнув рукой, она оборвала свою недосказанную мысль на полуслове.

– Трудно тому, кто берет на себя тяжелую ношу и отстраняет от себя Бога, который хочет помочь. Человек несёт скорби, потому что от Бога отошел, и тащит на себе труд непосильный. Вот мы пришли к Богу, и Господь за нас всё несет и все делает.

Лариса с недоверием посмотрела на Игоря. На его ветхую одежду, на огромные кирзовые сапоги, явно на несколько размеров больше, и у неё вдруг навернулись слёзы.

– Неужели ты счастлив здесь, Игорь? – спросила она.

– Да, – в его уверенном ответе не было ни тени сомнения. Глаза Игоря светились, лицо было спокойно и ясно, как будто на него сошла благодать. – Пойми, Лариса, монашество заключается не в чёрных ризах, не в строгих правилах монастырского устава, а во внутренней покорности воле Божьей. Всё, что происходит вокруг нас, есть великий промысел Божий, который ведет человека ко спасению. Я покорился воле Божьей, я учусь не роптать, но с благодарностью принимать всё происходящее со мной по его воле. И всем людям желал бы такой судьбы. И тебе тоже...

Больше часа пролетело в неторопливой беседе. Потом

Игорь поднялся, извинился и сказал, что ему пора готовиться к службе. Спросил, останется ли Лариса в монастыре на ночлег. Лариса отказалась.

Они попрощались, чтобы никогда больше не встречаться. Она уехала обратно, так и не сказав будущему монаху, зачем, собственно, приезжала. Вот только уезжала она с лёгким сердцем, потому что неожиданно для самой себя изменила своё первоначальное решение.

Она ехала домой полная решимости дать жизнь ребёнку Игоря, новой душе, которая вот уже несколько месяцев жила в ней и не давала покоя.

9

Софи проснулась от гулкой тишины и еле слышного звона колоколов. Голова раскалывалась на кусочки, перед глазами стоял туман, руки-ноги затекли.

«Что, чёрт возьми, произошло?» – подумала Софи и попробовала открыть глаза. Но глаза никак не хотели открываться, как будто кто-то склеил ресницы прочным клеем. Софи напряглась и с трудом приоткрыла один глаз.

Гостиничный номер изменился до неузнаваемости. Высокий потолок, слабо пробивающийся сквозь шторы дневной свет, странный светильник на потолке, который почему-то не запомнился вчера. И вдруг Софи как будто пронзило током: она вовсе не в гостинице! Но если она не в гостинице,

то где? Поднять голову не получалось, казалось, что она отлита из чугуна. Софи на время оставила попытки оторвать голову от подушки и попыталась вспомнить, что произошло накануне вечером.

Она вспомнила теплую воду в джакузи, цветочный запах геля, мягкость махрового халата и . . . красавчика Вадима, который наливал ей в бокал шампанское и робко целовал колени. Вадим! Точно! Он обещал ей какое-то приключение, звал её прокатиться. Наверное, они поехали куда-то развлекаться, и она слишком много выпила. Чёрт! Ведь сегодня же концерт!

Несмотря на свою привычку жить на широкую ногу и масштабно веселиться, Софи была дисциплинированной звездой. Она никогда не позволяла себе сорвать концерт из-за каприза или выйти на сцену «подшофе». От мысли, что она сегодня может оказаться не в форме, она пришла в ужас.

– Вадим! Вадим! Где ты? – позвала она парня, который был с ней рядом накануне вечером.

Ответом была тишина. И только колокольный звон где-то вдалеке создавал вокруг неё едва осязаемые звуковые волны.

Часть вторая «Пути неисповедимые»

1

Игорь Волков родился в обычной московской семье. Его мать ходила иногда в церковь поставить свечку и набрать святой воды, но верила без усердия и сыну веру прививать не собиралась. Отец был военным, часто уезжал в длительные командировки, и Игорь с матерью оставались одни. Мать работала на кондитерской фабрике, и у них дома всегда было полно конфет и зефира. С тех пор запах сладостей всегда напоминал Игорю о детстве.

Мальчишкой он был добродушным и безотказным. Както из очередной командировки отец привёз гитару, о которой Игорь давно мечтал. Однако недолго ему пришлось на ней поиграть. Буквально через несколько дней он передал гитару своему приятелю, тоже Игорю, который был помешан на музыке.

Два Игоря дружили с незапамятных времён. И всегда всем друг с другом делились. А когда первый Игорь подарил второму гитару, они даже подумывали организовать свою музыкальную группу – Волков писал необыкновенно красивые стихи, а Каленин пытался сочинять к ним красивую музыку. Однако, чем старше они становились, тем меньше у них

оставалось общего. Волков всё чаще задумывался о жизни и смерти, об истинном смысле бытия, о том, кто и зачем сотворил этот мир, о том, для чего в этом мире появился человек... А Каленин задумывался о том, что хорошо живётся лишь тому, кто обладает властью и достаточными средствами для придания своей жизни нужной степени комфорта и свободы.

Друзья всё чаще спорили. Каленин с пеной у рта доказывал, что свобода – это власть и деньги, Волков спокойно возражал, что свобода – это мир и согласие в душе, ибо внешняя свобода ничто, гораздо важнее свобода внутренняя. Они встречались всё реже и реже, хотя продолжали дружить. Каленин был свидетелем на свадьбе Волкова, Волков помогал хоронить отца Каленина.

Их дороги окончательно разошлись, когда Игорь Волков ушёл в монастырь. Для Каленина эта новость стала неожиданной, но сильно не удивила. Он уже давно понял, что Игорь не от мира сего и в современном безумном мире ему не найти другого достойного места. Единственное, чего он никак не хотел простить другу, так это то, что тот не захотел с ним проститься.

Впрочем, заботы бизнеса, в который Каленин ушёл с головой, постепенно вытеснили из его памяти воспоминания о детской дружбе, и он почти забыл о том, что когда-то у него был друг-тёзка, который всем мирским делам предпочёл господу Бога.

Однажды судьба уготовила им нечаянную встречу. Осенью, почти сразу после того, как Игоря Волкова постригли в иночество с именем Андрей, монастырское начальство послало его с поручением на Московское подворье. В Москве его оставили на несколько дней, в один из которых он на несколько часов заехал домой, чтобы повидаться с матерью.

На обратном пути из дома в храм он решил пройти мимо Останкинского пруда. Там-то судьба и устроила ему последнюю встречу с другом детства.

Каленин ехал на очередное свидание с очередной девушкой. Вдруг машина заглохла, и Игорь, чертыхаясь, съехал на обочину. Открыв капот и покопавшись в начинке своего «Мерседеса», Игорь сделал неутешительный вывод о том, что у него полетел подшипник. Вызвав эвакуатор и дав отбой девушке, Каленин пошёл в сторону пруда, чтобы хоть как-то скоротать время. У пруда стояла молчаливая фигура одинокого монаха, который как зачарованный смотрел на воду.

– Слышь, брат, закурить не найдётся? – от нечего делать решил сдохнуть Каленин.

После паузы монах ответил:

– Не курю я, брат. В курящего человека, как в решето Господь благодать наливает, а она вся выливается.

При первых звуках голоса монаха Каленин остолбенел.

– Игорь?! Ты?! Неужели ты?! Какими судьбами? Не могу поверить своим глазам!

Монах вскинул глаза, узнал Каленин и заулыбался. Друзья

обнялись.

– Здравствуй, Игорь, действительно, нечаянная встреча. Только я теперь инок Андрей, ты уж меня так и называй, пожалуйста.

– Ладно, ладно, как скажешь. Ну, рассказывай, как ты. Уехал в монастырь и даже не попрощался! Сам свою душу спасаешь, а мы тут пусть пропадаем пропадом? – Каленин попытался пошутить, но шутка вышла грубоватой.

– А ты приходи, брат, в церковь. Помолись, покайся, поговори с Богом. И легче тебе станет.

– Эх, Игорь... Извини, Андрей. Я смотрю, ты ещё больше стал не от мира сего. Когда мне молиться-то? С утра до ночи бизнес, дела, гонка безумная. Когда тут в церковь-то идти? Да и чего Бога по пустякам от важных дел отвлекать?

– Я тебя понимаю, – монах еле заметно улыбнулся уголком рта. – Вот только, чтобы помолиться, совсем необязательно время специальное выкраивать. Ведь Бог тебя в любом месте услышит, ты только обратись к нему. Знаешь, как говорят? Когда человек приходит на службу в церковь, но не молится, он как пассажир на корабле – за него кто-то ведёт корабль, а он всего лишь плывёт на нём безо всяких усилий. А когда человек сам молится, он как будто в лодке – ведь тут уж самому грести надо.

– Агитируешь? – усмехнулся Каленин. – Далеко мне до твоих духовных высот, дружище. Да и не умею я молиться. Ни одной молитвы не знаю, даже «Отче наш».

– А ты молись своими словами. Просто попробуй поговорить с Господом о том, что у тебя сильней всего наболело. Он ведь и так все грехи наши знает и без нас, сердце каждого невидимо зрит. Он ждёт от тебя искреннего покаяния и, зная немощь человеческую, прощает всякого искренне кающегося. Не старайся угодить людям, брат, но старайся угодить Богу. Тогда и жизнь у тебя будет совсем другая.

Долго ещё проговорили они на берегу пруда. Каленин с удивлением смотрел на своего друга и не узнавал его – от него исходила какая-то сила. Он говорил так проникновенно и просто, что Игорь забыл и о сломанном подшипнике, и о неудавшемся свидании.

Впервые в жизни он подумал, что выражение «Божий человек» – это не просто расхожая фраза. Именно такой человек сейчас стоял перед ним – по-настоящему Божий.

2

В гостинице «Люкс» давно не было такого переполоха. Компьютер и телефон администратора плотно оккупировала «верхушка» из свиты поп-звезды Арсо. Олег методично обзванивал всех знакомых и друзей Софии, её костюмерша то и дело бегала в гостиничный ресторан за кофе для Олега и директора Софи Алика. Гитаристы и барабанщик нервно курили то в вестибюле, то у гостиничного подъезда.

Массажист Софи и её личная «косметичка» о чём-то ти-

хо шушукались на кожаном диванчике у столика администратора. «Великолепная четвёрка» личных охранников – по совместительству носильщиков и рабочих сцены – периодически приставала ко всем остальным с идиотскими вопросами, самым идиотским из которых было: «А где же Софи?» Вопрос был глупым, потому что ответа не знал никто.

Вечно голодный кордебалет засел в ресторане, как только стукнуло одиннадцать. Из-за необходимости постоянно сидеть на диете, танцоры и танцорки заказали лишь зелёный чай, кофе и свежавыжатые соки, которые, кстати, им так и не подали («Извините, соковыжималка сломалась», – запинаясь, объяснял каждому бармен). Кое-кто решился на гречку и овощной салатик, большинство же утоляло свой вечный голод «курятиной» – то есть, попросту говоря, куревом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.